

Моей семье и А.

Я приехала в Югославию, чтобы увидеть историю во плоти. И теперь я поняла, что когда погибает империя, даже мир, населенный стойкими мужчинами и женщинами, полный богатых яств и хмельных вин, может казаться театром теней: ведь самый выдающийся человек порой сидит у огня и греет руки в тщетной надежде вытравить холодок, затаившийся отнюдь не во плоти.

РЕБЕККА УЭСТ

Черный ягненок и серый сокол

Я читаю эту фразу — и картины полевых дорог, пойменных пастбищ и горных лугов сливаются у меня перед глазами с картинами разрушения, и странным образом именно эти последние, а не ставшие совершенно нереальными идиллии раннего детства вызывают во мне что-то вроде любви к родине.

В. Г. ЗЕБАЛЬД

*Естественная история разрушения**

* Пер. Н. Н. Федоровой.

I. ОБОИХ СБИЛИ

Войну в Загребе развязали из-за пачки сигарет. Обстановка давно накалялась, слухи о беспорядках в других городах передавались шепотом у меня над головой, но без взрывов, ничего такого явного. Зажатый в горах, летом Загреб изнывал от зноя, и на самые жаркие месяцы большинство людей сменяли город на побережье. Сколько я себя помню, в отпуск наша семья ездила с моими крестными в рыбацкую деревушку на юге. Но сербы перекрыли дороги к морю — или по крайней мере так все говорили, — и впервые для меня мы провели лето вдали от побережья.

В городе все стало липко-влажное — дверные ручки и поручни в поездах осклизли от чужого пота, воздух набряк от запахов вчерашнего обеда. Мы то и дело залезали под холодный душ и разгуливали по квартире в нижнем белье. Стоя под струями прохладной воды, я воображала, будто кожа у меня шкворчит, испуская пар. По ночам мы лежали на простынях в ожидании прерывистого сна и горячих сновидений.

В последнюю неделю августа мне исполнилось десять — праздник, ознаменованный отсырелым тортом и омраченный жарой и тревогой. Родители в те выходные пригласили на ужин своих лучших друзей — моих крестных Петара и Марину. Дом, где мы обычно проводили лето, принадлежал деду Петара. Так как мать работала в школе, у нас было целых три месяца каникул — отец к нам приезжал попозже, поездом, — и впятером мы жили на утесах Адриатики. Но теперь мы оказались заперты на суше, и ужины по выходным превратились в нервную пантомиму обыденности.

Перед приездом Петара и Марины я поругалась с матерью по поводу одежды.

— Ты же не в зверинце, Ана. Чтобы к ужину надела шорты, или ничего не получишь.

— А в Тиске я вообще в одних купальных трусах хожу, — возразила я, но под сердитым взглядом матери оделась.

В тот вечер взрослые опять затеяли свой вечный спор о том, сколько же они все-таки знакомы. Как они любили повторять, в моем возрасте они уже дружили, и неважно, сколько мне на тот момент было, а с добрый час спустя под бутылочку “Феравино” на том и сходились. Петар с Мариной не обзавелись детьми, и поиграть мне было не с кем, так что я сидела за столом с младшей сестренкой на руках и наблюдала их состязание за самое давнее воспоминание. Рахела, всего восьми месяцев от роду, побережья ни разу не видела, и я рассказывала ей про море и про нашу лодочку, а она улыбалась, когда я корчила рожицы, изображая разных рыб.

После ужина Петар подозвал меня и протянул горстку динаров.

— Посмотрим, сможешь ли ты побить свой рекорд, — сказал он.

Игра у нас была такая — я бегала в ларек ему за сигаретами, а он засекал время. Если побью рекорд, он отдаст мне пару динаров со сдачи. Я сунула деньги в карман рваных джинсовых шорт и мигом преодолела девять пролетов лестницы.

Я не сомневалась, что установлю новый рекорд. Свой маршрут я отточила до совершенства: знала, где вплотную огибать углы домов, а где остерегаться кочек в переулках. Я пробежала мимо дома с большой оранжевой табличкой “Осторожно, злая собака” (хотя не помню, чтобы там вообще жила собака) и перемахнула через бетонные ступени, еле увернувшись от помойных контейнеров. Под бетонной аркой, где все время пахло мочой, я задержала дыхание и понеслась напрямик в город. Обогнув самую крупную рытвину перед баром, облюбованным охотниками пропустить стаканчик днем, я только чуточку притормозила, пробегая мимо старика-зазывалы за складным столиком, торговавшего краденым шоколадом. Красный навес газетного киоска трепыхался под редкими порывами ветра, словно финишный флажок, маячивший передо мной.

Я оперлась локтями о стойку, чтобы привлечь внимание продавца. Господин Петрович знал меня и знал, что мне нужно, но улыбка у него сегодня больше походила на усмешку.

— Тебе какие сигареты, сербские или хорватские?

То, как он нарочно разграничил две национальности, звучало неестественно. Из новостей я уже

знала, что люди в том же духе говорят о сербах и хорватах из-за стычек в деревнях, но напрямую мне никто такого не высказывал. А взять не те сигареты я не хотела.

— Можно мне, пожалуйста, как обычно?

— Сербские или хорватские?

— Ну такие. В золотой обертке которые.

Я пыталась выглянуть из-за его здорovenного торса, указывая на полку у него за спиной. Но он только посмеялся и махнул рукой другому покупателю, а тот с ухмылкой глянул на меня.

— Эй! — попыталась я еще раз обратить внимание продавца на себя.

Но он пропустил мой оклик мимо ушей и стал отсчитывать сдачу следующему в очереди. Игру я уже проиграла, но все равно побежала домой со всех ног.

— Мистер Петрович сказал мне выбрать либо сербские, либо хорватские сигареты, — сказала я Петару. — Я не знала, что ответить, и он ничего мне не дал. Извини.

Родители переглянулись, а Петар жестом подозвал меня присесть к нему на колени. Он был высокого роста — выше отца — и раскраснелся от жары и вина. Я взобралась ему на широкую ляжку.

— Ничего, — сказал он, похлопав себя по животу. — Я все равно слишком наелся, чтобы курить.

Я достала деньги из кармана шорт и вернула их Петару. Он сунул мне в ладошку пару динаров.

— Но я же проиграла.

— Да, — ответил он. — Но сегодня ты тут ни при чем.

Тем вечером отец зашел в гостиную, где я спала, и присел на скамью перед стареньким пианино.

Пианино нам досталось в наследство от тети Петра — у них с Мариной дома ему места не нашлось, — но вызвать настройщика нам было не по карману, и первая октава так просела, что все тона звучали одинаково уныло. Я слышала, как отец жмет на педали, по привычке нервно двигая в ритм ногой, но клавиш он не касался. Некоторое время спустя он поднялся, подошел к дивану, где лежала я, и присел на подлокотник. Мы собирались скоро покупать матрас.

— Ана? Не спишь?

Я попыталась приоткрыть глаза и ощутила, как они забегали под веками.

— Не сплю, — выдавила я из себя.

— Фильтр 160. Они хорватские. В следующий раз не ошибешься.

— Фильтр 160, — повторила я, запечатляя в памяти его слова.

Отец поцеловал меня в лоб и пожелал спокойной ночи, но спустя пару секунд я заметила, что он так и стоит на пороге, загородив собой свет кухонной лампы.

— Был бы я рядом, — прошептал отец, но я не поняла, мне он это сказал или нет, поэтому лежала тихо, а он больше ничего говорить не стал.

Утром по телевизору передавали речь Милошевича, и от одного его вида я расхохоталась. У него были большие уши, толстое багровое лицо и обвислые щеки, как у понурого бульдога. Говорил он с гнусавым акцентом, даже близко не похожим на гортанный мягкий голос отца. Он рассерженно стучал кулаком по столу в такт своей речи. Говорил что-то про

чистку страны, повторял это снова и снова. О чем он, я не понимала, но чем дольше он говорил и стучал, тем больше багровел. Я так хохотала, что мама выглянула из проема посмотреть, что там такого смешного.

— Ну-ка выключай.

Щеки у меня так и вспыхнули — я подумала, она разозлилась, что я смеялась над какой-то важной речью. Но лицо ее быстро смягчилось.

— Иди поиграй, — предложила она. — Могу поспорить, что Лука тебя уже опередил и сам доехал до Трг*.

Тем летом мы с Лукой, моим лучшим другом, колесили на велосипедах по площади и гоняли в футбол с одноклассниками. Мы были все в веснушках, загорелые и неизменно в пятнах от травы, а теперь, когда до школы оставалась всего пара недель свободы, стали встречаться даже раньше и задерживаться позже обычного с твердым намерением не потратить зря какие-никакие каникулы. Луку я нагнала на нашем привычном маршруте. Мы ехали бок о бок, и он то и дело вихлял передним колесом в мою сторону так, что мы чуть не падали с великов. Это была его любимая забава, и он хохотал всю дорогу, но у меня из головы никак не шел Петрович. В школе нас учили не придавать значения отличительным этническим признакам, хотя определить происхождение по фамилии было нетрудно. Вместо этого нас приучали бездумно декламировать панславянские слоганы: *“Bratstvo i Jedinstvo!”* — “Братство и един-

* Площадь (хорв.). (Здесь и далее прим. пер.)

ство”. Зато теперь, похоже, оказалось, что различия все же важны. Родные Луки были родом из Боснии, государства разношерстного, какой-то непонятной третьей категории. Сербы писали на кириллице, хорваты — на латинице, а в Боснии использовали оба алфавита, и выговор там отличался еще незначительней. Мне стало интересно, есть ли особый сорт боснийских сигарет и курит ли отец Луки такие.

Добравшись до Трг, мы увидели толпу, и я сразу поняла: тут что-то неладно. В свете недавнего сербо-хорватского раскола все — включая статую бана Елачича с саблей наголо — теперь казалось приметой волнений, которые я прозевала. Во времена Второй мировой саблю бана нацелили на венгров как бы в оборонительном жесте, но потом коммунисты снесли этот памятник в знак нейтрализации национальной символики. Мы с Лукой видели, как после прошедших накануне выборов мужчины с помощью веревок и тяжелой техники вернули Елачича на постамент. Теперь уже лицом на юг, в сторону Белграда.

Трг всегда была излюбленным местом для встреч, но сегодня люди с исступленным видом толклись у подножия статуи среди нагромождения грузовиков и тракторов, припаркованных прямо на бульжной мостовой, где в обычные дни машинам даже проезжать не разрешалось. На площади повсюду валялись пожитки, ящики для перевозки и целая уйма неприкаянной домашней утвари, которыми были битком набиты грузовики.

Мне вспомнился цыганский табор, мимо которого мы с родителями как-то проезжали на машине, когда ездили навестить могилы дедушки с бабушкой в Чаковце, — целые караваны повозок и трейле-